Игрушка высшей расы

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Елизавета Савина

Игрушка высшей расы

«Автор»
2026

Савина Е.

Игрушка высшей расы / Е. Савина — «Автор», 2026

Расу эльфов считают ничтожной. Их удел — подчинение, ведь за триста лет ни один из них не выжил в Башне пяти Великих Испытаний. Но Империя исправно забирает у них налог на красоту: раз в пять лет слуги аристократов увозят лучших эльфиек в качестве бесправных «живых игрушек», избивают и убивают их ради забавы. В этот раз выбор пал на Руну.

© Савина Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Налог на красоту. 5
Глава 2. Черный шелк и белые простыни. 9
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Елизавета Савина
Игрушка высшей расы

Глава 1. Налог на красоту.

В Озерном Крае пахло мокрой хвоей и дешевым мылом. Раз в пять лет этот запах становился удушающим — согнанные с окраин девушки отмывали кожу до красноты, пытаясь смыть с себя страх. Или, напротив, сделать его привлекательным для чужака.

Для расы эльфов этот день всегда был жатвой. Самая древняя, самая чистая и — по общему признанию Четырех Престолов — самая ничтожная раса в мире. Эльфы не умели подчинять металл, как горные мастера, не владели тяжелой разрушительной магией высших рас и, что хуже всего, веками оставались бесплодными для великих свершений. Чтобы доказать свое право на равенство, нужно было пройти Великое Испытание: пять кругов — Силу, Ум, Страх, Тщеславие и Высокомерие. Но за последние триста лет ни один эльф не вернулся из Башни живым. Мужчины гибли на первом же этапе, ломая кости под прессом магической Силы. Женщин туда просто не пускали, считая пустой тратой времени.

Зато у эльфиек было то, что высшие расы считали природной аномалией, — идеальная, почти пугающая красота. И раз в пять лет Империя забирала за неё налог. В отборе участвовали только совершеннолетние, и Руна как раз достигла этого возраста: её расцвет был признан не только родными, но и старейшинами рода. Теперь она официально входила в число тех, на кого мог пасть выбор имперских надзирателей — и от этого по коже бежали мурашки, хоть она и старалась держаться прямо.

Руна стояла перед треснувшим зеркалом, глядя на свое отражение. На ней была простая рубаха из сурового льна, но даже эта мешковина не могла скрыть изящества линий. Руна поймала собственный взгляд — пронзительно-голубые, но совершенно не по-эльфийски хищные глаза. В них не было привычной для ее народа покорности. В них горела злость.

— Не вертись, — тихо попросила Селена, сидевшая на табурете позади.

Селена была её сестрой-одногодкой, хотя они казались полной противоположностью друг друга. У Селены были мягкие, аккуратно подстриженные до плеч светлые волосы, напоминавшие спелую пшеницу, и тихий, кроткий нрав. Руна же была проклятием местной общины. Её волосы — тяжелые, густые, длиной до самых колен — отливали чистым, яростным пламенем. Ярко-рыжий, почти кровавый цвет, абсолютно нехарактерный для их скрытной, блеклой расы. У эльфов это считалось признаком «грязной крови», дефектом. Но парадокс заключался в том, что этот изъян делал ее пугающе, гипнотически красивой. На фоне этого буйства цвета ее аккуратные эльфийские ушки выглядели особенно миловидно и беззащитно.

Селена осторожно перехватила очередную прядь, пытаясь заплести её в тугую косу, чтобы хоть как-то скрыть эту огненную массу. Тонкие ушки Селены дрожали от нервного напряжения.

— Слуга уже в ратуше, — шепотом произнесла она, опустив руки. На ее ресницах блестели слезы.

— Мама говорила с торговцем на рынке. В этот раз приехал глашатай от герцога Корвуса. Помнишь, что о нем рассказывают?

Руна помнила. В Озерном Крае эти слухи передавали из уст в уста гробовым шепотом. Высшие аристократы забирали эльфиек не как служанок. Они называли их «живыми игрушками». Предыдущая девочка, которую увезли пять лет назад, через полгода вернулась в долину в закрытом гробу. Семье выплатили горсть золотых монет за «несчастный случай», но все знали правду: сломанные пальцы, следы плетей, изнасилования и выжженное клеймо на шее.

Аристократы ломали их, как дорогие куклы, а когда безупречная красота покрывалась шрамами и кровью — просто убивали и выбрасывали.

— Нас тут три сотни, Селена, — Руна резко повернулась, перехватывая ладони сестры. Её длинные пламенные волосы взметнулись, едва не коснувшись пола. — Шанс, что он выберет кого-то из нас — ничтожен. И вообще, посмотри на меня. Я похожа на послушную куклу? Этот чужак выберет кого-то потише. Кого-то, кто не перегрызет ему горло при первой попытке коснуться. Тебе тоже нужно спрятать глаза.

В дверь их маленького дома глухо и требовательно постучали. Три удара. Вестник ратуши.

Площадь перед ратушей была заполнена до отказа. Всех девушек-одногодок выстроили в четыре длинные шеренги. Вокруг стояла звенящая, мертвая тишина, нарушаемая лишь тихими всхлипами матерей, которых стража оттеснила к краям площади.

Руна и Селена стояли плечом к плечу в третьем ряду.

На деревянном помосте, лениво развалившись в кресле, сидел человек. Точнее, получеловек-полуисполин — личный слуга аристократа. На нем был дорогой камзол из черного бархата с серебряным шитьем, который смотрелся дико среди нищеты Озерного Края. У него были тяжелые надбровные дуги, массивный подбородок и абсолютно скучающий, сытый взгляд. Он смотрел на замерших эльфиек так, словно выбирал породистую скотину на ярмарке.

— В шеренги по десять, подходить к помосту, — громом разнесся над площадью голос глашатая.

Первая десятка двинулась вперед. Девушки шли, опустив головы, пряча лица. Слуга герцога даже не поднялся. Он просто махал пальцем — «мимо», «мимо», «назад». Ему нужна была не просто красивая эльфийка — они все были совершенны. Ему нужен был редкий, безупречный экземпляр, способный по-настоящему развлечь искушенного господина.

Очередь двигалась быстро. Руна чувствовала, как дрожит плечо Селены, прижатое к ее собственному. Она крепко сжала пальцы сестры под широким рукавом рубахи.

— Третий ряд, вперед, — скомандовал глашатай.

Руна сделала шаг, увлекая Селену за собой. Они остановились ровно в десяти шагах от помоста. Руна намеренно держала спину прямой. Она понимала, что нужно быть незаметной, но гордость не позволяла ей согнуться. Она смотрела прямо перед собой. Её хищный, ледяной взгляд голубых глаз резко контрастировал со страхом, разлитым в воздухе.

Руна сделала шаг, увлекая Селену за собой. Они остановились ровно в десяти шагах от помоста. Руна намеренно держала спину прямой. Она понимала, что нужно быть незаметной, но гордость не позволяла ей согнуться. Она смотрела прямо перед собой. Её хищный, ледяной взгляд голубых глаз резко контрастировал со страхом, разлитым в воздухе.

Руна сделала шаг, увлекая Селену за собой. Они остановились ровно в десяти шагах от помоста. Руна намеренно держала спину прямой. Она понимала, что нужно быть незаметной, но гордость не позволяла ей согнуться. Она смотрела прямо перед собой. Её хищный, ледяной взгляд голубых глаз резко контрастировал со страхом, разлитым в воздухе.

Слуга поднялся. Его тяжелые шаги по деревянному настилу отозвались ударами сердца в груди Руны. Он сошел с помоста и медленно направился к ней. Стража расступилась.

Чужак остановился в двух шагах от сестер. Он полностью проигнорировал нежную, хрупкую Селену, чьи светлые волосы сейчас казались ему слишком блеклыми. Весь его фокус сузился до Руны. Он протянул массивную, обтянутую кожей перчатки руку и грубо схватил ее за подбородок, заставляя задрать голову выше. Настолько сильно, что пальцы до боли впились в кожу.

— Какая дерзость в глазах... — пробасил он, и на его губах появилась неприятная, плотоядная усмешка. — И какой редкий, порочный цвет. Откуда у лесного отродья пламя в волосах?

Герцог Корвус будет в восторге. Из такой строптивой твари получится великолепная игрушка. Ее будет чертовски приятно ломать.

Руна заставила себя не дернуться, хотя внутри все похолодело от этих слов. Слуга отпустил ее подбородок и брезгливо вытер руку о камзол, словно испачкался.

— Эту, — коротко бросил он глашатаю, указывая на Руну. — Вяжите. Остальные свободны.

Площадь выдохнула сотней голосов — облегчение тех, кого пронесло, смешалось с глухим плачем матери Руны где-то в толпе. Селена испуганно вскрикнула, попытавшись ухватиться за сестру, но один из стражников грубо оттолкнул ее в сторону. Девушка упала на колени, глядя на Руну полными ужаса глазами.

Двое тяжелых стражников шагнули к Руне, доставая тяжелые железные кандалы. Железо глухо звякнуло.

Руна посмотрела на приближающиеся цепи, на ухмыляющегося слугу, на плачущую сестру. Мечты о сопротивлении разбились о суровую реальность: вокруг были десятки вооруженных солдат, а она — лишь бесправная эльфийка из низшей расы. Бежать было некуда. Защитить себя прямо сейчас — невозможно.

Она молча позволила защелкнуть холодный металл на своих запястьях. Но когда стражник дернул цепь, заставляя ее идти к повозке, Руна обернулась и посмотрела на слугу герцога. В ее голубых глазах не было слез. В них горел тот самый хищный, обещающий огонь, который чужак принял за простую строптивость.

Железная клетка, в которую заперли Руну, пахла ржавчиной и запекшейся кровью прежних пленниц. Повозка тяжело громыхала по лесному тракту, направляясь к столице Четырех Престолов. Руна сидела на грязной соломе, прижав колени к груди. Пять локтей ее пламенных волос теперь служили ей единственным одеялом, защищавшим от пронизывающего лесного ветра.

Ей не дали попрощаться ни с матерью, ни с Селеной. Стража просто швырнула ее за прутья и двинулась в путь.

Конвой из двенадцати тяжеловооруженных солдат герцога Корвуса казался несокрушимым. Слуга, выбравший Руну на площади, ехал впереди на огромном вороном коне, лениво покачиваясь в седле. Все были расслаблены. Никто не ожидал угрозы в этих глухих, заброшенных землях низшей расы.

Вдруг тишину чащобы прорезал свист.

Толстая арбалетная стрела с глухим стуком вонзилась прямо в горло глашатаю, ехавшему в авангарде. Он захлебнулся кровью и замертво свалился с лошади.

— Засада! — взревел слуга герцога, выхватывая тяжелый палаш. — К прицепу! Защищать груз!

Из придорожных кустов с диким улюлюканьем высыпала грязная, разношерстная толпа. Около тридцати человек. Разбойники. На них были потертые кожаные доспехи, а в руках они сжимали ржавые топоры и тесаки. Несмотря на численное преимущество бандитов, стражники Империи начали быстро перестраиваться в боевой порядок. Эльфы были низшей расой, но солдаты Четырех Престолов воевать умели.

Завязалась кровавая, грязная бойня. Металл со звоном бился о металл, воздух наполнился криками раненых и матом. Руна вцепилась пальцами в прутья клетки, хищно наблюдая за происходящим. Внутри нее не было страха перед разбойниками — только холодный расчет. Если конвой перебьют, у нее появится шанс сбежать.

Но у нападавших был другой план.

Трое грязных бандитов с сальными улыбками прорвались сквозь ряды стражи прямо к повозке. Один из них, одноглазый громила с гнилыми зубами, ударил обухом топора по замку клетки. Железо с треском лопнуло.

— Гляди, парни, какая цаца! — прохрипел одноглазый, хватая Руну за плечо и бесцеремонно вытягивая ее из клетки на траву. Кандалы на ее запястьях глухо звякнули. — Не зря нам шепнули про этот конвой! За такую рыжую суку на черном рынке работорговцы отвалят столько золота, что мы до конца дней будем пить в лучших тавернах Империи!

Руна резко дернулась, попытавшись ударить его скованными руками в челюсть, но бандит наотмашь полоснул ее ладонью по лицу. Губа лопнула, во рту разлился солоноватый вкус крови.

— Ишь, дикая! — захохотал второй разбойник, хватая ее за волосы. — Ничего, хозяин на рынке быстро спесь собьет. Поднимай её, уходим в чащу, пока эти имперские псы нас не зажали!

Они собирались продать ее в бордели дальних провинций. Сделать вещью, которая сгниет в подземельях за пару лет. Руна отчаянно упиралась ногами в землю, её голубые глаза горели бешеной яростью, но против троих мужчин у безоружной эльфийки не было сил.

И тут лес затих.

Крики бьющихся мужчин стихли сами собой. Разбойники, тащившие Руну, замерли. В воздухе внезапно повеяло странным, пугающим холодом. А вслед за ним пришел запах. Густой, дорогой, кружащий голову аромат элитного табака, морозной мяты и... едва уловимый, жуткий запах свежего пепла.

Лошади конвоя в испуге начали пятиться и хрипеть. Из-за поворота дороги медленно выехал один-единственный всадник на белоснежном, как саван, жеребце.

На нем был глухой черный плащ, скрепленный на плече серебряной брошью в виде вороньего крыла. Руна затаила дыхание. Когда всадник натянул поводья и спешился, у нее на мгновение перехватило дыхание.

Он был убийственно, порочно красив. Высокий, с широкими разлетами плеч и безупречной, хищной осанкой. Его черные, как ночное небо, волосы были небрежно зачесаны назад, открывая резкие, словно высеченные из мрамора скулы и прямой аристократический нос. Мужской, невероятно сексуальный силуэт приковывал к себе взгляд, даже несмотря на ужас, который он внушал одним своим присутствием. Но его глаза... Абсолютно черные и расширенные зрачки. Две бездонные пропасти, в которых клубилась тьма.

Глава 2. Черный шелк и белые простыни.

Остатки выживших стражников мгновенно опустились на одно колено, вжимая головы в плечи. Они буквально дышать боялись, проходя мимо него на цыпочках, если бы посмели подняться. Это был он. Герцог Корвус

— В моих владениях, — голос герцога раздался в абсолютной тишине. Он был тихим, бархатным, но от него по спине Руны побежали ледяные мурашки, — чернь смеет трогать то, что принадлежит мне.

Одноглазый бандит попятился, выпуская волосы Руны из рук:— М-милорд... Мы не знали...Корвус не стал дослушать. Он даже не достал меч. Он просто слегка повел ладонью в воздухе.

Черные тени, соткавшиеся прямо из-под копыт его коня, метнулись вперед, словно живые змеи. Они мгновенно обвили шеи троих разбойников, стоявших возле Руны. Раздался жуткий, сухой хруст ломающихся позвонков. Мужчины рухнули на траву замертво, даже не успев вскрикнуть. Остальные бандиты в панике бросились наутек, но тени настигали их в чащобе один за другим.

Герцог медленно пошел к повозке. Его тяжелые сапоги ступали бесшумно. Стражники замерли, боясь издать хоть звук.

Корвус остановился ровно перед Руной, которая так и осталась сидеть на земле. От него пахло той самой дорогой мятой и смертью. Он опустил свой жуткий, гипнотический взгляд вниз. Его черные глаза скользили по ее лицу, задержались на разбитой губе, а затем медленно спустились к огненным волосам, разметавшимся по траве.

В его лице не было ни капли жалости. Только ледяная, абсолютная жестокость правителя, который осматривает свою новую собственность.

— Какая неаккуратность, — тихо произнес Корвус. Его голос вибрировал от скрытой угрозы. Он наклонился, и Руна почувствовала тепло его тела, столь контрастирующее с холодом его магии. Герцог схватил её за подбородок — не прикосновением мужчины, а хваткой палача, фиксирующего жертву. — Мой слуга сказал, что нашел редкую вещь. Но я не люблю порченые игрушки, эльфийка.

Его пальцы сжали её челюсть сильнее, проверяя характер. Руна, несмотря на боль и сковавший тело трепет перед его убийственной красотой и силой, не опустила голову. Она посмотрела прямо в его черные бездны своими хищными голубыми глазами.

На губах Корвуса промелькнула едва заметная, жестокая ухмылка.— Посмотрим, сколько дней ты протянешь в моем замке, прежде чем начнешь умолять о смерти, — бросил он и резко отпустил её, повернувшись к выжившим солдатам.

— Бросьте её обратно в клетку. И отмойте эту грязь. Мы возвращаемся.

Замок герцога Корвуса высился над черными скалами подобно хищной птице, замершей перед броском. Здесь все подчинялось культу безупречного, пугающего порядка. Слуги передвигались по коридорам беззвучно, словно призраки, а стража у дверей не смела даже моргнуть. В этом месте властвовал страх.

Повозка остановилась в главном внутреннем дворе, вымощенном гладким базальтом. Стражники открыли клетку, намереваясь вытащить Руну, но тяжелый, размеренный стук сапог заставил их мгновенно отпрянуть и склонить головы.

Герцог Корвус подошел к краю телеги. Его черный плащ слегка колыхался от холодного горного ветра. Он окинул Руну ледяным взглядом. В дорожной пыли, с растрепанными пламенными волосами и в кандалах, она все равно оставалась ослепительно красивой. Ее хищные голубые глаза неотрывно следили за каждым его движением.

— Какая грязь, — тихо, с долей брезгливости произнес Корвус.

Руна уже приготовилась к тому, что ее грубо швырнут на камни, но герцог сделал то, чего никто не ожидал. Он шагнул вперед и легко, словно она ничего не весила, подхватил её на руки.

Руна вздрогнула, её тело мгновенно напряглось. Кандалы на её запястьях глухо звякнули, коснувшись его расшитого серебром камзола. От Корвуса снова пахло морозной мятой, дорогим табаком и пеплом — этот запах пьянил и одновременно заставлял все инстинкты орать об опасности. Он держал ее крепко, но без капли мужского тепла. Его руки были жесткими, как стальные обручи.

— Не хочу, чтобы моя новая игрушка испачкала ноги о двор прежде, чем её отмоют, — ровно произнес он, глядя прямо перед собой.

Он нес ее через массивные дубовые двери, по длинным анфиладам замка. Слуги, попадавшиеся навстречу, мгновенно вжимались в стены, опуская глаза в пол и проходя мимо правителя буквально на цыпочках. Руна чувствовала, как под шелком его камзола перекатываются мощные мускулы. Этот мужчина был убийственно, порочно привлекателен, и эта сексуальность, смешанная с абсолютной жестокостью, пугала её сильнее, чем разбойники в лесу.

Корвус толкнул ногой дверь в просторные, мрачные покои и бесцеремонно опустил Руну на ковер. В центре комнаты её уже ждали.

Пожилая женщина в строгом глухом платье из серой шерсти поклонилась так низко, что её лоб едва не коснулся пола. Это была леди Марта — главная экономка и надзирательница замка. У неё было сухое, суровое лицо и холодные, как у рыбы, глаза.

— Избавь её от цепей, отмой и приведи в порядок, Марта, — приказал Корвус, даже не глядя на Руну. Он повернулся спиной, направляясь к выходу. — Даю тебе три дня. Сделай из этого дикого отродья то, что не стыдно будет впустить в мою спальню.

— Будет исполнено, Ваша Светлость, — прошелестела Марта.

Когда тяжелая дверь за герцогом захлопнулась, атмосфера в комнате мгновенно изменилась. Марта выпрямилась, её взгляд стал острым, как бритва. Две молодые служанки подошли к Руне и быстрыми, отточенными движениями отперли железные кандалы.

— Ну что, рыжая тварь, — Марта медленно обошла Руну кругом, оценивающе оглядывая пять локтей её огненных волос, спускающихся до колен. — Герцог любит редкие вещи, но он не терпит строптивости. Моя задача — научить тебя, как правильно ухаживать за Его Светлостью.

Она подошла ближе и резко, до боли схватила Руну за подбородок, заставляя смотреть на себя.

— Слушай меня внимательно, эльфийка, — процедила старуха. — Твоя прошлая жизнь закончена. Здесь ты — никто. Живая вещь. Твоя единственная цель — ублажать господина и предугадывать любое его желание. Ты научишься подавать ему вино, не проливая ни капли. Научишься стелить его постель так, чтобы на шелке не было ни единой складки. Ты будешь называть его только «мой господин» и склонять голову каждый раз, когда он входит. Одно неверное движение, один дерзкий взгляд твоих хищных глаз — и тебя запорют плетями в подземелье. Предыдущая девка думала, что её красота защитит её. Ошибалась.

Руна молчала. В её груди бушевал пожар, готовый вырваться наружу. Ей хотелось вцепиться в лицо этой старухе, но она заставила себя сжать кулаки так, что ногти впились в ладони. Она помнила: прямо сейчас она слаба. Сила Корвуса абсолютна. Ей нужно время. Время, чтобы осмотреться, изучить замок и понять, как сбежать к Башне пяти этапов.

— Я всё поняла, — тихо, но твердо ответила Руна, глядя Марте прямо в глаза.

— «Я всё поняла, госпожа Марта», — ледяным тоном исправила экономка и махнула рукой служанкам. — В ванну её. Срежьте эту грязь с ногтей и вычешите волосы. Через три дня господин ждет её в своих покоях.

Когда служанки повели её за ширму, где уже пар`ило деревянное корыто с горячей водой, Руна обернулась на окно, за которым в ночной темноте едва угадывался далекий, зловещий силуэт Башни Испытаний.

«Я научусь всему, чему вы хотите, — подумала она, стискивая зубы. — Я буду идеальной куклой. До тех пор, пока не появится шанс перерезать вашему герцогу горло».

Три дня в Цитадели Воронов превратились для Руны в изощренную пытку покорностью. Её кожу оттирали жесткими мочалками и ароматными маслами до тех пор, пока она не стала гладкой, как шелк. Пять локтей огненных волос вычесывали часами, вплетая в них жемчужные нити, чтобы усмирить непокорный цвет. Леди Марта лично следила за каждым шагом эльфийки, заставляя её часами ходить с тяжелой книгой на голове и держать спину так, словно та была струной.

Но самым сложным было молчать. Гасить хищный блеск голубых глаз и опускать голову всякий раз, когда упоминалось имя хозяина замка.

На исходе третьей ночи, когда замок погрузился в глухую, ледяную тишину, в комнату Руны проскользнула Лила — молодая служанка-эльфийка, помогавшая ей с волосами. На её лице не было привычной маски безразличия, только бледный, застарелый ужас. Она принесла Руне вечерний отвар, но её руки так сильно дрожали, что глиняная чашка глухо стучала о поднос.

— Тебе нужно выпить это, чтобы успокоить нервы, — шепнула Лила, испуганно оглядываясь на тяжелую дубовую дверь. — Завтра... завтра Марта поведет тебя в его покои.

Руна сидела на краю кровати. Её огненные волосы волнами рассыпались по белому шелковому сорочке. Она внимательно посмотрела на девушку своего народа:— Ты боишься его. Сильнее, чем остальные.

Лила судорожно сглотнула и опустилась на колени прямо перед Руной, поймав её ладонь. Её пальцы были ледяными.— Ты не понимаешь, Руна... Ты сильная, я вижу это по твоим глазам. Но здесь твоя сила — это твоя гибель. Герцог Корвус... он не просто жесток. Он питается нашим страхом. Год назад я прислуживала в его пиршественном зале. Там была девочка из Озерного Края, до тебя. Милая, тихая Алия.

Служанка замолчала, судорожно ловя ртом воздух, словно ей не хватало кислорода.— Герцог пил вино и лениво издевался над ней перед своими гостями, — продолжала Лила ломающимся шепотом. — Он заставлял её ползать на коленях, подавать кубки его псам, смеялся над её ушами, называя нашу расу комнатным скотом. Алия терпела. Но в какой-то момент... она не выдержала. Когда один из гостей пролил на её платье эль, она тихо, едва слышно прошептала всего одно слово: *«Хватит»*. Она просто хотела, чтобы это прекратилось. Она не кричала, не замахивалась. Одно. Короткое. Слово.

Руна почувствовала, как внутри всё сжалось от нехорошего предчувствия. Хищный блеск её голубых глаз стал холодным.— Что он сделал?

— Он улыбнулся, — у Лилы по щеке покатилась слеза. — У него была такая красивая, порочная улыбка... Он сказал, что если рабыня смеет указывать хозяину, когда ему остановиться, значит, её язык ей больше не нужен. Его тени... они соткались прямо из воздуха. Они держали Алию, пока палач... О боги, Руна, её крик до сих пор стоит у меня в ушах по ночам. А через два дня её тело просто выбросили за ворота. Здесь одно слово может лишить тебя жизни. Одно лишнее дыхание, один неверный вздох. Если он будет издеваться — молчи. Если будет бить — терпи и улыбайся. Называй его господином, ублажай его эго, будь пустотой. Только так ты выживешь.

Лила поднялась, наспех вытерла слезы рукавом и, забрав пустой поднос, выскользнула из комнаты, оставив Руну в темноте.

Эльфийка осталась сидеть на постели, сжимая кулаки так, что побелели костяшки пальцев. Слова служанки тяжелым камнем легли на душу, но вместо страха они разожгли внутри Руны первобытную, чистую ярость.

«Одно слово лишает жизни? — подумала она, глядя на свои бледные запястья, на которых ещё остались едва заметные следы от кандалов. — Хорошо. Я буду молчать. Я научусь дышать через раз и стану идеальной, безмолвной куклой.»

Она легла на холодные шелковые простыни, укрывшись своими пятилоктевыми пламенными волосами, и впервые за три дня заснула абсолютно спокойным, хищным сном охотника, который затаился перед прыжком. Завтра её ждала спальня герцога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.